

Наполеон Бонапарт и Генрих де Гиз: конструирование образа власти в эпоху Первой империи во Франции

Марина В. Кущева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kusheva@mail.ru*

Аннотация. В статье предпринимается попытка проанализировать малоизученный эпизод, связанный с исторической политикой в эпоху Первой империи во Франции. Революция и приход к власти императора актуализировали многие события прошлого, рецепция которых происходила в разных, в том числе художественных, формах. В статье рассматривается пример попытки выступить в оппозиции императору и разрушить создаваемый им образ легитимного харизматического национального лидера посредством исторической трагедии. Ф.Ж.М. Ренуар, драматург и участник революции, в пьесе «Генеральные штаты в Блуа, или смерть герцога де Гиза», написанной фактически по заказу власти, посредством обращения к истории XVI в. подверг критике узурпацию трона Наполеоном. Эта трагедия была запрещена к постановке до 1814 г., а образ герцога де Гиза – главы католической партии, выведенный в произведении, вызвал негодование императора. Делается вывод о том, что Наполеон старался конструировать имидж собственной власти, апеллируя к историческим примерам. Среди многочисленных политических деятелей прошлого, с которыми себя ассоциировал император, достаточно неожиданно оказался герцог Генрих де Гиз, который в исторической культуре начала XIX в. имел репутацию не столько харизматического лидера, сколько мятежника и незаконного претендента на престол, что успешно использовала оппозиция в своих антибонапартистских произведениях.

Ключевые слова: наполеоновская эпоха, Наполеон Бонапарт, политика памяти (историческая политика), формы репрезентации прошлого, французский театр XIX века, Франсуа Жюст Мари Ренуар, Генрих I де Гиз

Для цитирования: Кущева М.В. Наполеон Бонапарт и Генрих де Гиз: конструирование образа власти в эпоху Первой империи во Франции // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 2. С. 65–74. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-65-74

Napoleon Bonaparte and Henry de Guise. Constructing an image of the power in the age of the First Empire

Marina V. Kushcheva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, kusheva@mail.ru*

Abstract. The article attempts to analyze a little-studied episode related to historical politics in the era of the First Empire in France. The revolution and the coming to power of the emperor actualized many events of the past, the reception of which took place in various, including artistic forms. The article considers an example of an attempt to act in opposition to the emperor and destroy the image of a legitimate charismatic national leader created by him through a historical tragedy. F.J.M. Renoult, a playwright and participant in the revolution, criticized the usurpation of the throne by Napoleon by referring to the history of the 16th century in the play “The States-General in Blois, or the death of the Duke of Guise”, written actually by order of the authorities. That tragedy was forbidden to be staged until 1814, and the image of the Duke of Guise, the head of the Catholic party, displayed in the work, aroused the emperor’s indignation. The article concludes that Napoleon tried to construct the image of his own power, appealing to historical examples. Among the numerous political figures of the past with whom the emperor associated himself, unexpectedly turned out to be Duke Henry de Guise, who in the historical culture of the early 19th century had a reputation not so much as a charismatic leader, as a rebel and an illegal pretender to the throne, what the opposition successfully used in its anti- Bonapart works.

Keywords: Napoleonic era, Napoleon Bonaparte, politics of memory (historical policy), ways of historical representation, 19th century French theater, François Just Marie Raynouard, Henry I Duke of Guise (Henry de Guise)

For citation: Kushcheva, M.V. (2022), “Napoleon Bonaparte and Henry de Guise. Constructing an image of the power in the age of the First Empire”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 65–74, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-65-74

Наполеоновская эпоха во Франции – период неоднозначный и переломный во всех отношениях. Наряду с политическими и социальными экспериментами происходил поиск новых форм культуры и новаторских методов репрезентации прошлого. Эти тенденции нашли свое отражение и в определенной исторической политике Первой империи. Она проводилась различными путями, включая

вмешательство самого императора в формирование «исторического» репертуара ведущих французских театров.

Об огромном интересе Наполеона к театральной жизни в столице писали многие исследователи [Дейч 1934; Постникова 2015; Сорп 1888]. Однако в историографии отсутствует устоявшаяся точка зрения на сущность историко-культурной политики Наполеона, особенно относительно театра. Часто можно встретить мнение, что драматургия подвергалась достаточно жесткой цензуре, произведения всегда отбирались лично императором, особенно это касалось исторических трагедий. Исследователи утверждают, что «в эпоху Империи обсуждать вопросы политики было невозможно» [Реизов 1958, с. 17]. Наполеон видел все завуалированные намеки и пресекал малейшие попытки критики собственной власти. Даже абстрактная философско-историческая концепция, содержавшаяся в пьесе, могла вызвать недовольство императора [Реизов 1962, с. 31, 37–38]. Согласно другой точке зрения, театральная жизнь была относительно свободной и независимой, «Наполеон не запрещал даже довольно смелые пьесы» [Постникова 2015, с. 331]. Более того, позиция императора способствовала развитию и становлению во Франции исторической драматургии. Многочисленные примеры сценических постановок дают нам возможность проследить особенности формирования репертуара французской сцены, являвшиеся проявлением не столько культурной, сколько исторической политики, которой император придавал большое значение. Несмотря на очевидную важность данного направления внутренней политики, проблема формирования образа власти посредством обращения к прошлому в эпоху Первой империи почти никогда не затрагивается даже авторами современных трудов о Наполеоне [Боботов 1998; Gueniffey 2013].

Одним из примеров проявления интереса императора к этим вопросам является ситуация, сложившаяся вокруг создания и постановки трагедии Ф.Ж.М. Ренуара «Генеральные штаты в Блуа, или смерть герцога де Гиза»¹. Это малоисследованное и практически забытое в наше время произведение является примером оппозиционности режиму Первой империи. С другой стороны, реакция на нее Наполеона весьма показательна для понимания особенностей конструирования образа собственной власти императором.

Несмотря на популярность античных тем и героев, в начале XIX в. писатели и поэты все чаще начинают присматриваться к собственной истории как к источнику драматических коллизий. Основная задача, которая ставилась перед авторами – написание

¹ *Raynouard F.-J.-M. Les états de Blois. Paris: Mame frères, 1814.*

пьес, отражающих события прошлого в патриотическом, а при Наполеоне – в имперском дискурсе.

Историческая политика в эпоху Первой империи не давала полной свободы авторам как для выбора сюжетов, так и для проявления своей гражданской позиции. Однако относительная мягкость театральной цензуры и сложившаяся в годы революции традиция использовать театр в качестве политической трибуны порождали интересные прецеденты. Все эти проблемы и социальные конфликты вокруг репрезентации национальной истории нашли отражение в казусе Ренуара – создателя трагедии «Штаты в Блуа».

Надо сказать, что история XVI в., которая вдохновила в данном случае драматурга, была выбрана им не случайно. Эпоха Религиозных войн, период национального раскола, восстаний против власти и угасания одной из королевских династий Франции живо интересовала авторов, поскольку давала богатый материал не только для рецепции прошлого, но и для осмысления настоящего. Уже в самом начале революционных событий М.Ж. Шенье выступил с разоблачением королевской власти, опираясь на этот благодатный материал².

Развитию жанра национальной трагедии в эпоху Первой империи способствовало то, что сам Наполеон и Французская академия активно поощряли авторов выбирать сюжеты из национального прошлого для своих произведений. Однако это стремление к развитию исторического жанра тормозилось тем, что появление таких пьес и романов регламентировалось цензурой, как официальной, так и неофициальной. Наполеон часто лично знакомился с произведениями, их создателями, актерами и принимал решения, руководствуясь как государственными интересами, так и собственными вкусами и философско-историческими взглядами. Известны случаи, когда император разрешал ставить запрещенные ранее произведения на сцене после разговора с автором лично.

Важным критерием одобрения пьесы служил период, который лежал в основе сюжета. Так, император не рекомендовал к изображению на сцене недавние исторические события, боясь возбудить ненужные страсти в обществе и «придать ложное направление общественному мнению» [Реизов 1962, с. 29]. Тем не менее Наполеон хорошо понимал необходимость использовать историю, особенно в литературной обработке, для просвещения и пропаганды. Исследования в этой области дают основания утверждать, что репертуар

² *Chénier M.J.* Charles IX, ou La Saint-Barthélemi; tragédie en cinq actes // Œuvres de M.J. Chénier, membre de l'Institut. T. I. Paris: Guillaume, Libraire, 1826.

французских театров пополнялся, в том числе, заказными сюжетами [Реизов 1962; Corin 1888]. Они были частью исторической политики, проводимой Наполеоном. Активное поощрение авторов, адаптирующих подобные темы для французской сцены, рекомендации относительно выбора периода и персонажей нередко заменяли жесткую цензуру.

Поэтому он обратился к министру полиции Ж. Фуше с советом предложить драматургу и бывшему жирондисту Франсуа-Жюсту-Мари Ренуару в качестве сюжета одной из пьес эпоху утверждения Каролингов на престоле, поскольку это могло послужить оправданием его собственной узурпации власти [Реизов 1962, с. 36]. Ренуар к тому времени был уже достаточно опытным и довольно успешным автором, воплощавшим в своих драматических произведениях события как античной, так и средневековой французской истории. Он считал, что именно национальная трагедия должна стать жанром, который способен восполнить потребность в подлинно народном театре. Нередко эти трагедии становились выражением оппозиционных настроений их создателей и смелым публичным политическим заявлением. Предложение императора может вызвать некоторое удивление у исследователей, поскольку философско-историческая концепция Ренуара, воплощенная им в предыдущей пьесе о тамплиерах³, спровоцировала негативную реакцию Наполеона, несмотря на художественные достоинства трагедии. Ренуар проявил себя как независимый, даже оппозиционный автор, представив тамплиеров в качестве национальных героев и осудив действия королевской власти. Однако, как это часто бывало, Бонапарт стремился привлечь на службу талантливых людей, надеясь убедить их в ошибочном восприятии истории и современной действительности. Существует миф о том, что император составил более благоприятное впечатление о драматурге после личной беседы с ним. Скорее всего, Наполеон не виделся лично с Ренуаром, а легенда об их беседе возникла позже. Однако она отразила популярную точку зрения на механизмы формирования репертуара театров и особенности взаимодействия власти и деятелей культуры в эту эпоху.

В ответ на настойчивое пожелание главы государства взять для своих пьес другой, более нейтральный или даже благоприятный для нынешней власти средневековый сюжет Ренуар в 1804 г., в год коронации императора, пишет еще одну трагедию, демонстрирующую его принципиальное расхождение с Наполеоном по многим вопросам общественной жизни и закрепившую за ним статус оппозиционера.

³ *Raynouard F.-J.-M. Les Templiers. Paris, 1814.*

Представленная Ренуаром историческая трагедия «Штаты в Блуа»⁴ была посвящена одному из символических событий в истории Франции – Генеральным штатам, созванным королем Генрихом III в 1588 г., во время Религиозных войн и произошедшему на них убийству герцога де Гиза, фактического лидера католической Франции, политического оппонента монарха, считавшегося в исторической традиции претендентом на престол. Пьесе предшествовал обширнейший исторический очерк самого Ренуара. Уже в этом предисловии, написанном, вероятно всего, к постановке 1814 г., отчетливо проступает замысел автора: никакие причины не могут оправдать попытку свержения законного монарха.

Конфликт в пьесе развивается между Генрихом де Гизом, с одной стороны, и королевой Екатериной Медичи, Генрихом Наваррским и королем Генрихом III – с другой. Но все же, главное противостояние в этой трагедии – противоборство главы Католической лиги и его брата Шарля, герцога Майеннского, который является одним из ключевых персонажей пьесы. Гиз считает, что слабость королевской власти, опасность, исходящая от протестантов, и бедствия королевства дают ему право занять престол. Этого требуют интересы государства, которые совпадают с интересами самого герцога. Его любит народ, который имеет право при некоторых условиях сам избрать себе правителя, а герцог обладает для этой роли всеми необходимыми качествами и соответствующим происхождением. Его брат выступает выразителем точки зрения автора. Он считает, что беззаконие, совершаемое человеком, наделенным всевозможными талантами и имеющим поддержку общества, не становится меньшим. Французский престол нельзя узурпировать, даже если этого требуют интересы государства. Политическое преступление остается преступлением, даже если римский папа или французский народ поддерживают его, это только делает их соучастниками беззакония. Вокруг этих размышлений о легитимности власти и незаконности любой ее узурпации, даже во имя общего блага, строится все драматическое повествование в пьесе.

Образ герцога в этом произведении достаточно многомерен и противоречив. С одной стороны, он истинный воин и патриот, смелый, благородный, прекрасный оратор и любимец парижан. Он выражает благородные чувства и отказывается убить короля, чтобы узурпировать престол. С другой стороны, он оправдывает собственное стремление к власти абстрактным общим благом, интересами государства, поддержкой народа и католической церкви:

⁴ *Raynouard F.-J.-M. Les états de Blois...*

«Меньше будем думать о себе, чем о несчастьях Франции, // я хочу, чтобы ее спасение облагородило мою месть»⁵. Характерно, что герцог постоянно говорит о благе отечества, народа и церкви в контексте собственных эгоистических интересов, связанных с отмщением протестантам и двору за гибель отца. Этот персонаж в пьесе Ренуара является наследником определенной литературной и историографической традиции, которая начиная с конца XVI в. изображала герцога макиавеллистом, убежденным, что высокие цели оправдывают любые средства. Мнение автора также выражает в пьесе Крийон, прославленный полководец и сторонник короля: «Гиз был бы дорог и принцу, и французам, // Если бы сумел остаться первым среди подданных»⁶.

Ренуар неслучайно изображает Генриха де Гиза яркой, сильной и неоднозначной личностью. Образ главы Католической лиги, стоявшего на пороге свержения Валуа и основания собственной династии, – несомненный намек на самого Наполеона, что было очевидно для всех зрителей и читателей этой пьесы. Споры герцога с братом о возможности и законности опоры на народ и церковь в обход незыблемой правовой традиции Французского королевства вызывали ассоциации с утверждением императора у власти путем переворота с последующим плебисцитом и коронацией Папой Римским. Может ли государственный интерес и желание народа быть достаточной опорой политической власти? На этот вопрос автор пьесы дает однозначно отрицательный ответ, вызвав этим раздражение Наполеона Бонапарта. Неслучайно пьеса была запрещена императором после единственного показа в замке Сен-Клу в 1810 г., но торжественно поставлена в 1814 г., когда «законная династия» вернулась на престол. Это стало не столько культурным событием, сколько политической акцией, направленной на дискредитацию фигуры императора и поддержку легитимной династии. В дискурсе исторической культуры эпохи Реставрации это произведение приобрело пропагандистское звучание, поскольку в нем осуждалась узурпация власти, что в условиях раскола общества и успеха бонапартистских настроений было важной частью исторической политики.

Однако интересен и другой аспект этого казуса, который приобретает значение как в рамках исторической политики Наполеона, так и для формирования образа Генриха де Гиза в рамках исторической культуры XIX в. Император очень высоко оценивал личность и деятельность главы Католической лиги и в какой-то

⁵ Raynouard F.-J.-M. Les états de Blois... P. 249.

⁶ Ibid. P. 297.

мере ассоциировал себя с ним. Несмотря на то, что «Штаты в Блуа» не являлись выдающимся драматическим произведением, что император несомненно осознавал, пьеса произвела на него настолько сильное впечатление, что он вспоминал о ней даже в изгнании. Причина этого, как следует из его собственных слов, – равнодушие к образу Генриха де Гиза, созданного Ренуаром. Как заметил советский литературовед Б.Г. Реизов:

...он сочувствовал не королю... а Гюизу, который едва не стал основателем четвертой династии. Очевидно, император видел в талантливом и энергичном герцоге, за которым стоял народ, своего предшественника [Реизов 1962, с. 44].

Это подтверждается и словами самого Наполеона, который дал собственную оценку не только образу герцога в пьесе, но и высоко оценил его таланты и историческую роль:

Герцог Гиз был одним из самых величайших деятелей своего времени, он обладал выдающимися качествами и талантами; ему не хватило только дерзновения, чтобы еще тогда основать четвертую династию...⁷

Что же заставило императора проникнуться судьбой герцога, а точнее, негодовать по поводу искажения его образа, которое, по его мнению, сознательно предпринял драматург? Помимо очевидных аллюзий, которых добивался и сам Ренуар, император, как мы видим, был очарован качествами настоящего национального политического лидера, которые он приписывал Гизу. Почему у императора сформировался именно такой образ, учитывая, что в историографической традиции благодаря протестантским полемистам, официальным авторам XVII–XVIII вв. и Вольтеру он был представлен мятежником, фанатиком и лицемером? Самостоятельность и оригинальность суждений, независимость оценок, присущие императору, сыграли здесь определенную роль. Однако имело место и намеренное конструирование исторического образа с политическими целями. Бонапарт не просто видел в герцоге своего предшественника, с которым у него было много общего: военные таланты, неутомимая энергия и политическая воля. Подобных персонажей было немало в истории Франции и других стран.

⁷ *Las Cases E. de Mémorial de Sainte-Hélène, ou Journal où se trouve consigné, jour par jour, ce qu'a dit et fait Napoléon durant dix-huit mois. Paris, 1823. T. II. P. 307.*

Сознательно представляя себя более решительным и удачливым продолжателем дела герцога, он пытался создать собственный образ «народного вождя» и харизматичного лидера, спасающего страну от слабой, разрушающей страну власти, не побоявшегося воплотить самые смелые, но вполне рациональные проекты своих предшественников.

Литература

- Боботов 1998 – *Боботов С.В.* Наполеон Бонапарт – реформатор и законодатель. М.: Контракт, 1998. 335 с.
- Дейч 1934 – *Дейч А.И.* Франсуа-Жозеф Тальма. М.: Жургаз, 1934 (ЖЗЛ). 304 с.
- Постникова 2015 – *Постникова А.А.* Театр в исторической политике Первой империи во Франции // Диалог со временем. 2015. Вып. 51. С. 321–333.
- Реизов 1958 – *Реизов Б.Г.* Французский исторический роман в эпоху романтизма. Л.: Художественная литература, 1958. 556 с.
- Реизов 1962 – *Реизов Б.Г.* Между классицизмом и романтизмом. Спор о драме в период Первой империи. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. 257 с.
- Copin 1888 – *Copin A.* Talma et l'Empire. 2e éd. Paris, 1888. 396 p.
- Gueniffey 2013 – *Gueniffey P.* Bonaparte. Paris: Gallimard, 2013. 860 p.

References

- Bobotov, S.V. (1998), *Napoleon Bonapart – reformator i zakonodatel'* [Napoleon Bonaparte – reformer and legislator], Kontakt, Moscow, Russia.
- Copin, A. (1888), *Talma et l'Empire*, Paris, France.
- Deich, A.I. (1934), *Fransua Zhozef Tal'ma* [François Joseph Talma], Zhurgaz, Moscow, Russia.
- Gueniffey, P. (2013), *Bonaparte*, Gallimard, Paris, France. 860 p.
- Postnikova, A.A. (2015), "Theater in the historical politics of the First Empire in France", *Dialogue with Time*, iss. 51, pp. 321–333.
- Reizov, B.G. (1958), *Frantsuzskii istoricheskii roman v epokhu romantizma* [French historical novel in the era of romanticism], Khudozhestvennaya literatura, Leningrad, Russia.
- Reizov, B.G. (1962), *Mezhdu klassitsizmom i romantizmom. Spor o drame v period Pervoi imperii* [Between classicism and romanticism. Dispute about drama in the period of the First Empire], LGU, Leningrad, Russia.

Информация об авторе

Марина В. Кущева, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kusheva@mail.ru

Information about the author

Marina V. Kushcheva, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; kusheva@mail.ru